

БИБЛИОТЕКА ПРОЛЕТАРИЯ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ Д. РЯЗАНОВА

З.Р. 81.5.13

1923
7.3.

КАРЛ МАРКС

МЫСЛИТЕЛЬ □ ЧЕЛОВЕК
РЕВОЛЮЦИОНЕР

1883 — 14 марта — 1923

СБОРНИК СТАТЕЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ
Д. РЯЗАНОВА

«МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ» — 1923

РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ
ЗАСТОИ и ПРОГРЕСС В МАРКСИЗМЕ

ЗАСТОЙ и ПРОГРЕСС в МАРКСИЗМЕ.

В своей поверхностной, но местами интересной, болтовне о социальном положении Франции и Бельгии Карл Грюн делает, между прочим, удачное замечание насчет того, какое различное действие оказали на своих приверженцев Фурье и Сен-Симон своими теориями: в то время, как последний стал родоначальником целой плеяды блестящих талантов на различных поприщах духовной деятельности, учение первого—за немногими исключениями—привело к образованию закостенелой секты поклонников, не выдвинувшихся ни в каком отношении. Грюн объясняет эту разницу тем, что Фурье дал готовую, разработанную до последних мелочей, систему, между тем как Сен-Симон оставил своим ученикам только слабо связанный пучок значительных идей. Хотя Грюн в данном случае слишком мало оценил, как будто внутреннее различие по существу теорий обоих классиков утопического социализма, но его замечание в общем правильно. Нет никакого сомнения, что набросанная только в основных чертах система идей действует более стимулирующим образом, чем готовая симметричная идейная постройка, в которой не над чем работать, к которой живой дух не может приступить с попыткой самостоятельной работы.

Не это ли причина того, что мы наблюдаем в течение ряда лет такой застой в марксовом учении? Ибо фактически, если оставить в стороне несколько самостоятельных работ, которые можно рассматривать, как прогресс теории, то, со времени появ-

ления последних томов «Капитала» и последних работ Энгельса, у нас имеется лишь несколько удачных популяризаций и изложений марксовской теории, но по существу мы теоретически не ушли дальше того пункта, на котором нас оставили оба творца научного социализма.

Не является ли причиной этого то, что марксова система втиснула в слишком прочные рамки самостоятельные движения мысли? Бесспорно, нельзя отрицать некоторого гнетущего влияния Маркса на теоретическую свободу движений иных из его учеников. Ведь, уже Маркс и Энгельс отклонили с себя ответственность за взгляды каждого «марксиста», и возможно, что тревожное опасение не соскользнуть в процессе теоретизирования «с почвы марксизма» оказалось в отдельных случаях столь же роковым для умственной работы, как и другая крайность—мучительное старание доказать, во что бы то ни стало, полным отказом от марксова метода мышления, «самостоятельность собственной мысли».

Однако, о более или менее разработанной системе учения у Маркса речь может идти только в экономической области. Что же касается самого ценного ядра его учения,—материалистического понимания истории,—то оно представляет только метод исследования, несколько руководящих гениальных мыслей, которые открывают вид на совсем новый мир, раскрывают необъятные перспективы самостоятельного творчества, окрыляют дух для самых смелых полетов в области неисследованного.

Однако, и в этой области—за малыми исключениями—последние Маркса лежат без употребления, великолепное оружие остается неиспользованным, и теория исторического материализма пребы-

вает теперь в том же неразработанном и схематическом виде, в каком ее оставили ее творцы.

Следовательно, причину неразработанности марксовской системы нельзя искать в ее закостенелости и законченности.

Неоднократно раздаются жалобы на недостаток интеллектуальных сил в нашем движении, которые могли бы взять на себя дело дальнейшей разработки теорий Маркса. Действительно, этот недостаток ощущается уже давно, но он сам представляет собой явление, которое нуждается в объяснении и, значит, не может объяснить разбираемого нами вопроса. Дело в том, что каждая эпоха сама формирует свой человеческий материал, и там, где имеется реальная потребность эпохи в теоретической работе, там эта потребность сама создает необходимые для удовлетворения ее силы.

Но существует ли у нас потребность в теоретическом развитии учения дальше того, что оставил нам Маркс?

В одной статье о споре между представителями школы Маркса и школы Джемсона в Англии Бернар Шоу, остроумный представитель фабианского полусоциализма, издевается над Гайндманом, который уверял, что уже на основании первого тома «Капитала» он «целиком» понимает Маркса, и который не видел никакого пробела в марксовской теории, между тем как впоследствии Фридрих Энгельс в предисловии ко второму тому сам заявил, что в первом томе с его теорией стоимости имеется капитальная экономическая загадка, решение которой должен принести только третий том. Шоу поймал здесь Гайндмана, действительно, в очень комическом положении, но в утешение последнему можно сказать, что в том же положении находились и весь социалистический мир.

Действительно, третий том «Капитала», заключающий в себе решение проблемы теории прибыли, главной проблемы в экономической системе Маркса, появился только в 1894 г. Между тем в Германии, как и во всех других странах, производилась агитация на основании неполного материала первого тома; марксово учение популяризировалось и принималось, как нечто целое, на основании этого первого тома; мало того, эта агитация, пользовавшаяся только частью марксова учения, достигла блестящих успехов, и нигде не чувствовалось теоретического пробела. Но это не все. Когда, наконец, появился третий том, то он сперва возбудил некоторый интерес в более тесных кругах специалистов, породил ряд комментариев и толкований. Что же касается социалистического движения в целом, то третий том не нашел в широких кругах, где уже укрепились идеи первого тома, никакого отклика. Еще не было предпринято ни одной попытки популяризировать теоретические выводы третьего тома, и, действительно, они не нашли вовек доступа в широкие социалистические круги; наоборот, недавно даже раздавались голоса, верно отражавшие в социал-демократической среде «разочарование» буржуазных политико-экономистов по поводу третьего тома и показывавшие, как тесно свыклись у нас с «незрелым» изложением теории стоимости, данным в первом томе.

Чем объяснить такое замечательное явление?

Шоу, который, по собственному признанию, охотно «хихикает» над другими, имел бы здесь возможность вдосталь потешиться над всем социалистическим движением, поскольку оно основывается на Марксе. Но это значило бы «хихикать» над очень серьезным явлением нашей социальной жизни. Замечательный эпизод с первым и третьим

томом «Капитала» представляется нам характернейшим примером судеб теоретического исследования в нашем движении.

С научной точки зрения, третий том «Капитала» является, бесспорно, завершением марксовой критики капитализма. Без третьего тома нельзя понять настоящего, главного закона нормы прибыли, нельзя понять распадение прибавочной стоимости на прибыль, процент и ренту и действие закона стоимости в рамках конкуренции. Но,—и это самое главное,—как ни важны все эти проблемы с теоретической точки зрения, с точки зрения практики классовой борьбы—они довольно безразличны. Для последней существенное значение имела великая теоретическая проблема о возникновении прибавочной стоимости, т.е. научное объяснение эксплуатации, также и тенденции обобществления производства, т.е. научное объяснение объективных основ социалистического переворота.

На обе проблемы отвечает уже первый том, описывающий «экспроприацию экспроприаторов», как неизбежный результат производства прибавочной стоимости и развивающейся концентрации капиталов. Этим была в основном удовлетворена настоящая теоретическая потребность рабочего движения. Вопрос о том, как распределяется между отдельными группами эксплуататоров прибавочная стоимость и какие перетасовки в производстве вызывает при этом распределении конкуренция,—этот вопрос не имел непосредственного значения для классовой борьбы пролетариата.

Поэтому-то третий том «Капитала» остался до сих пор для социализма в целом непрочитанной книгой.

Но то, что сказано об экономическом учении Маркса, то относится вообще к судьбе теоретического исследования в нашем движении. Было бы иллюзией думать, будто стремящийся вверх рабочий класс сумеет, исходя из содержания своей классово-борьбы, совершенно самочинно проявить безграничную творческую деятельность в теоретической области. В настоящее время только рабочий класс, как сказал Энгельс, сохранил вкус и интерес к теории. Жажда знания рабочего класса—одно из важнейших культурных явлений современности. И в этическом отношении борьба рабочих означает культурное обновление общества. Но активное воздействие пролетарской борьбы на прогресс науки связано с совершенно определенными социальными условиями.

В каждом классовом обществе духовная культура—наука, искусство—является творением правящего класса и имеет своей целью отчасти удовлетворить потребности общественного процесса, отчасти же духовные потребности членов правящего класса.

До сих пор, в истории классовой борьбы и стремившиеся вверх классы (как, например, третье сословие в новое время) могли как бы предварять свое политическое господство господством интеллектуальным, противопоставив,—еще оставаясь угнетенным классом,—дряхлающей культуре отживающей эпохи свою собственную, новую науку и искусство.

Пролетариат в данном вопросе находится в совершенно ином положении. Будучи классом немущим, он не может в своем стремлении вверх, пока он остается еще в рамках буржуазного общества, создать самочинно собственную духовную

культуру. В рамках этого общества, пока существуют хозяйственные основы его, не может быть иной культуры, кроме буржуазной. Рабочий класс, как таковой, стоит вне современной культуры, хотя различные «социальные» профессора и указывают с восторгом на употребление галстуков, визитных карточек и велосипедов, как на крупные факты приближения пролетариата к успехам культуры. Рабочий класс, создавший своими собственными руками материальное содержание и вообще всю основу современной культуры, допускается к пользованию ей лишь постольку, поскольку это необходимо для удовлетворительного исполнения им своих функций в хозяйственном и социальном процессе буржуазного общества.

Рабочий класс сумеет создать свою собственную науку и искусство лишь после освобождения от теперешнего своего классового положения.

В настоящее время он может только защитить культуру буржуазии от вандализма буржуазной реакции и создать общественные предпосылки для свободного развития культуры. Но и в этой области пролетариат может, в рамках теперешнего общества, проявить себя лишь постольку, поскольку он выковывает духовное оружие для своей освободительной борьбы.

Но это уже заранее ставит интеллектуальную деятельность рабочего класса, т.е. его духовно руководящих идеологов в очень узкие границы. Их научное творчество может проявиться лишь в одном определенном отделе системы знания: в области обществензнания. Так как, благодаря «особенной связи идеи четвертого сословия с нашей исторической эпохой», для пролетарской классовой борьбы было необходимо выяснение законов общественно-го развития, то она—связь эта—оказала свое опло-

дотворяющее влияние на социальную науку, и памятником этой пролетарской духовной культуры является марксово учение.

Но и творение самого Маркса,—представляющее собой, как научное деяние, гигантское целое,—выходит из рамок непосредственных требований классовой борьбы пролетариата, ради которой оно было создано. Как в своем обстоятельном и законченном анализе капиталистического хозяйства, так и в своем историческом методе исследования, с его необозримыми перспективами, Маркс дал гораздо больше, чем непосредственно необходимо для практической классовой борьбы.

Лишь по мере того, как наше движение подвигается вперед, выставляя новые практические задачи, мы снова обращаемся к идейному запасу Маркса, чтобы разработать и применить к делу отдельные элементы его учения. Но так как наше движение, как и всякая практическая борьба, довольствуется старым комплексом руководящих идей, еще долго после того, как они потеряли свое значение, то теоретическое использование данных Марксом идейных стимулов подвигается лишь крайне медленно вперед.

Поэтому, если теперь мы замечаем теоретический застой в движении, то объясняется это не тем, будто марксова теория,—которой мы питались до сих пор,—неспособна к развитию или «пережила» себя, а, наоборот, тем, что мы уже взяли из марксова арсенала все важнейшее, необходимое нам для теперешней стадии борьбы оружие, несколько не исчерпав его; объясняется это не тем, что мы в практической борьбе «перегнали» Маркса, а, наоборот, тем, что Маркс в своей научной работе обогнал нас, как практическую боевую партию; не тем, что Маркс уж недостаточен для удовлетворения

наших потребностей, а тем, что наши потребности еще ограничены и не могут вместить богатство марксовых идей.

Так мстят за себя теоретически открытие Марксом социальные условия существования пролетариата в современном обществе на судьбах самой марксовой теории. Теория эта—несравненное оружие духовной культуры—лежит без пользы, ибо для буржуазной классовой культуры оно непригодно; что же касается рабочего класса, то оно далеко превышает потребности его в боевом оружии. И только тогда, когда рабочий класс покончит с теперешними условиями своего существования, вместе с другими средствами производства будет обобщен и марксов метод исследования, развернувшись во всю свою ширь и мощь для блага всего человечества.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Предисловие редактора	9
Фр. Энгельс.	
Карл Маркс	17
Письмо к Зорге о смерти Маркса	33
Речь над могилой Карла Маркса	37
Элеонора Маркс.	
Карл Маркс	43
Карл Маркс.	
Памяти июньских бойцов.	57
Революции 1848 года и пролетариат (речь на юбилее рабочей газеты).	64
Г. Плеханов.	
Карл Маркс	71
Франц Меринг.	
Маркс и революция	85
К. Каутский.	
Что сделал для науки Маркс	95
Роза Люксембург.	
Застой и прогресс в марксизме.	111
К. Тимирязев.	
Ч. Дарвин и К. Маркс	123
П. Лафарг.	
Карл Маркс	137
Фр. Леснер.	
Воспоминания рабочего о К. Марксе.	167
Вильгельм Либкнехт.	
Маркс и дети	183
В поле и на лугу	191
Н. Ленин.	
Гайндман о Марксе	201
Д. Рязанов.	
«Исповедь» Карла Маркса	213

В книге 6 иллюстраций.